

*Приключения
Васи Куролесова*

Что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красный нос.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения. Хотя в тот вечер я сидел на лавочке у Чистых прудов и смотрел как раз на чёрных лебедей.

Солнце укатилось за почтамы.

В кинотеатре «Колизей» грянул весёлый марш и тут же сменился пулемётной очередью.

Из стеклянного кафе вышел молодой человек и, распугивая с асфальта сизарей, направился прямо к моей скамейке. Усевшись рядом, он достал из кармана часы-луковицу, больше похожие на репу, щёлкнул крышкой, и в тот же миг раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

Скосив глаза, я глянул на часы и увидел надпись, искусно вырезанную на крышке: «ЗА ХРАБРОСТЬ».

Под надписью был выцарапан маленький поросёнок.

Между тем неизвестный захлопнул крышку часов и сказал себе под нос:

- Без двадцати девятнадцать.
- Сколько?

— Без двадцати девятнадцать. Или восемнадцать часов сорок минут. А что?

Передо мной сидел парень, худой, широкоплечий. Нос у него был несколько великоват, глаза прищуренные, а щёки загорелые и крепкие, как грецкий орех.

— Где же вы достали такие часики? — завистливо спросил я.

— Да так, купил по случаю. В одном магазинчике.

Это была, конечно, ерунда. Часы с надписью «За храбрость» не продаются. Неизвестный просто не хотел рассказывать, за что его наградили часами. Он стеснялся.

— Что мне нравится в чёрных лебедях, — сказал я дружелюбно, — так это их красный нос.

Владелец часов засмеялся.

— А мне, — сказал он, — чёрные лебеди вообще не нравятся. Лебедь должен быть белым.

Слово за слово — мы разговорились.

— Интересно, — толковал я, — почему это у вас на часах поросёнок нарисован?

— Да это так просто — шутка. Ничего интересного.

— Ну а всё-таки?

— Дело давнее. Я ведь тогда ещё жил у мамы. В деревне Сычи.

— Ну и что там произошло?

— Да ничего особенного...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСЫ И ПОРОСЯТА

Глава первая В ДЕРЕВНЕ СЫЧИ

Вместе со своей мамой Евлампьевной жил Вася в деревне Сычи. Мама Евлампьевна держала кур с петухом и уток, а Вася учился на механизатора.

Как-то весной, в начале мая, мама Евлампьевна и говорит Васе:

— Васьк, кур у нас много. И утки есть. А вот поросят нету. Не купить ли?

— Мам, — говорит Вася, — на что нам поросята? Вырастут — свиньями станут. В грязи будут валяться. Противно-то как.

— Васьк, — говорит Евлампьевна, — да пусть валяются, тебе-то чего? Давай купим!

— Мам, — говорит Вася, — да ну их! Хрюкать начнут — отбою от них не будет.

— Васьк, — говорит Евлампьевна, — да много ли тебе надо отбою! Похрюкают и перестанут. А мы их будем помойкой кормить.

Они поговорили ещё и решили всё-таки купить двух поросят.

И в выходной день Вася взял мешок из-под картошки, вытряхнул из него пыль и поехал на рынок в районный центр. В город Карманов.

Глава вторая ТЁРТЫЙ КАЛАЧ

А народу на рынке было полно.

У ворот, на которых было написано «Кармановский колхозный рынок», стояли женщины, толстые и румяные.

Они продавали с рук цветные платки и белое бельё.

— Купи! — кричали они Васе. — Купи платок — чистый кумак!

Вася только проталкивался через толпу.

Он увидел, что рынок стоит во дворе бывшего монастыря, весь обнесён каменной стеной, а по углам — башни с резными крестами.

— А вот стекло двойное, бэмское! — кричал у входа стекольщик, который боялся со своим товаром лезть в середину рынка.

Вместе с толпой Вася прошёл в ворота, и сразу же под нос ему сунулось блюдо с красными варёными раками. Раки были кривобокими, с перепутанными клешнями. Их усы свешивались с блюда, как соломины.

— А ну, — крикнул Вася продавцу раков, — сторонись, раковщик!

За раковщиком пошла сразу рыба. Некрасивый дядя вытаскивал из корзины лобастых язей, надавливал им на пузо. Язи открывали рот и делали «хм». И дядя бросал язя в корзину, в которой были и другие язи, переложённые крапивой.

Вася то застревал в толпе, то прокапывался дальше. Развернулись перед ним морковь и петрушка, зелёный лук — венником, репчатый — косицами.

— Каротель! Каротель! — покрикивала женщина-морковница.

— Ре-па! — ухал парень-долговяз.

Прохожие покупатели хватали-покупали кому чего в голову взбредёт: кому — репа, кому — рыба, кому — каротель.

«А мне бы поросят, — думал Вася. — Только где же они?»

В самом углу рынка под башней Вася увидел, чего искал. Здесь продавали кур, гусей, телят — всякую живность. И поросят было много.

Вася долго подыскивал подходящих, не очень маленьких, да и не слишком больших.

«Мне бы средних, — думал он. — И покрепче!»

Наконец у одного черноусого мужичишки Вася увидел парочку поросят.

— Славные! — сказал черноусый, пальцем указывая на них.

— Пятачки-то у них что-то маленькие.

— У этих-то маленькие? — удивился продавец. — Каких же тебе пяточков надо? С пластинку патефонную?

— Патефона у меня нету, — сказал Вася. — А всё ж пяточок хотелось бы покрупнее.

— Балда ты! — сказал черноусый. — Нет у тебя толку в поросятах. Лучше патефон себе купи.

— Тебя не спросил! — сказал Вася, грозно посмотрел на продавца и обошёл его.

«А что, — думал он, — может, и вправду патефон купить?»

Вася ещё повертелся на рынке, поискал других поросят, а издали всё посматривал на тех, что ему приглянулись. Он видел, как мужичишка то и дело вытаскивал их из мешка и совал под нос покупателям, уверяя каждого, что поросята славные. И прав-

да они были славные, с небольшими по размеру пяточками. Вася покрутился, покрутился да и завернул снова к черноусому.

— Ага! — крикнул тот. — Вернулся!

— Говори цену.

Мужичишка сказал, но цена Васе не понравилась.

— Высока.

— Какой же ты человек плохой! То пяточки не подходят, то цена высока. Угрюмый ты.

— Ты сам угрюмый, вон усы-то как повисли.

— Новое дело! Теперь усы ему не нравятся! Ай да парень! Откуда только такие берутся?

— Из деревни Сычи, — весело сказал Вася. — Говори новую цену. Пониженную.

Черноусый сказал, и новая цена Васе понравилась, но он так подумал: «Поторгуюсь ещё для блезиру, пусть знает, что я — тёртый калач».

Вася поторговался ещё, и черноусый сказал:

— Вижу, ты тёртый калач. Ладно уж, скину трёшник. Только для тебя.

— Держи деньги. И суй поросят в мой мешок.

— Э, да чего там, — ответил продавец, сосчитав деньги. — Забирай их прямо в мешке, а мне свой пустой отдай.

Вася отдал ему свой мешок, вжик — перетянул мешок с поросятами верёвочкой.

«Дело сделано», — подумал Вася и пошёл к выходу.

— Стой-ка, — обиделся вслед ему черноусый, — хоть бы «до свидания» сказал.

— Ничего, — ответил Вася, — обойдётся.

Он шёл к выходу и думал: «Хоть я и деревенский парень, а грубиян».

Это ему нравилось. Ему хотелось быть грубияном и тёртым калачом, да, пожалуй, и от стреляного воробья он бы не отказался.

Вася чувствовал спиной, как трепыхаются в мешке поросята, и это ему нравилось, потому что было щекотно, да и поросята, в конце концов, были, конечно, славные, правда с маленькими по размеру пятчиками.

Глава третья ПАРОЧКА ПОРОСЯТ

На станции Вася выпил квасу в честь хорошей покупки, а потом сел в электричку. Поросята шевелились в мешке, а когда поезд тронулся, стали повизгивать.

Вася стоял в тамбуре и глядел в окошко на пробегающие поля, дачи, ёлочки, телеграфные столбы. Пассажиры в тамбуре что-то кричали друг другу, махали руками и курили, выпуская изо рта тяжелые махровые кольца, колёса стучали под вагоном — изх! — мчался поезд в деревню Сычи и ещё дальше... К дому Вася добрался под вечер, когда солнце уже стало садиться и покачивалось над деревней Сычи.

Мама Евлампьевна стояла у ворот и ещё издали крикнула:

— Васьк! Неужто не купил?

Вася промолчал. Ему не хотелось орать на всю деревню.

— Чего у тебя в мешке-то? — кричала Евлампьевна. — Говори скорей! Неужели поросёнок! Слышь, Марусенька, Васька-то поросёнка несёт!

— Бум, бум-бум! — отвечала ей соседка Марусенька из-за оконного стекла.

— Пара поросёнок, мам, — сказал Вася, кладя мешок на землю.

— Да неси их скорей в избу! Застудишь. Они небось махонькие.

— Это ещё как сказать, — говорил Вася, внося мешок в избу. — Не такие уж махонькие, да и не слишком большие. В самый раз, крепенькие.

Пока Вася развязывал мешок, поросята шевелились в нём и повизгивали.

— И куры у нас есть, — кричала Евлампьевна, обращаясь к подоспевшей поглядеть поросят Марусеньке, — и утки! А поросят нету. Встану утром и грущу. Вот бы, думаю, поросёночка завести.

— То-то я и говорю, — басовито бубнила в ответ Марусенька. — Без свиньи какой двор. Со свиньёй жить веселее.

— Да развязывай же скорее! — кричала Евлампьевна.

— Куда спешить-то, мам?.. — отвечал Вася, развязав мешок. Он встряхнул его, и из мешка, ощерясь и вроде даже противно улыбаясь, вылез рыжий облезлый пёс.

Глава четвёртая ТЁМНАЯ НОЧЬ

Ночь стояла на дворе.

Лунный облик мерцал через окошко. В темноте тикали на стенке ходики: тик, тик, тик...

«Ну, дьявол черноусый! — думал Вася, ворочаясь на кровати. — Ловко обманул».

— Ладно, Васёк, — вздыхала Евлампьевна, — спи. Обойдётся и без свиньи. Вон у людей даже кур нету — живут.

Но Вася не мог спать. Только закрывает глаза — видится ему рынок в Карманове, толпа народу, грызущая семечки, а вдалеке, под башней, — черноусый, противный-противный. И всё подмигивает: «Купи поросёночка!»

«Как же пёс оказался в мешке? — думал Вася. — Не через дырку же пролез! Значит, черноусый мешки переменял, пока я деньги считал. Вместо мешка с поросятами подсунил мешок со псом».

— Ты куда пса девал? — спросила Евлампьевна. Она всё ворочалась на печке, переставляя валенки, которые там сушились.

— На улицу выгнал.

«А пёс-то какая свинья! — думал Вася. — Сидел в мешке и нарочно похрюкивал. Надо было его поленом огреть... А я-то хорош! — думал Вася далее. — Развесил уши: мол, я — тёртый калач! А сам лопух лопухом».

Наконец Вася заснул и спал мрачно, без снов, вздрагивая и огорчаясь. И ночь над Васей, над древней Сычи была тёмная, совсем тёмная, весенняя, когда снег уже сошёл, а земля под ним оказалась такой же чёрной, как и в прошлом году.

Глава пятая РЫЖИЙ

С рассветом Вася хмуро проснулся, попил чаю из холодного самовара и пошёл на улицу.

Он вышел на крыльцо, и тут же под ступеньками что-то затрещало, зашуршало, и оттуда выскочил рыжий пёс. Вид у него был неважный. Одно ухо стояло, другое висело, третьего, как говорится, во-

обще не было! Хвостик у пса тоже был не ахти какой — рогулька в репейниках.

— Ну что, мешочник, — сказал Вася, — совсем совесть потерял? Свинью в мешке изображаешь! Поди сюда!

Пёс не подошёл, а только задней лапой стал яростно чесать ухо. Ясно было, что он действительно потерял совесть. Вдруг он увидел петуха, вылезшего из-под сарая. Тут же рыжий кинулся на него и в мгновение ока загнал на крышу.

— А ну! — грозно сказал Вася. — Иди сюда!

Рыжий лениво двинулся к Васе. Но потом оглянулся и увидел собственный хвост. Клацнув зубами, он хотел его поймать. Но хвост увильнул. Рыжий бешено закрутился на месте, а хвост никак не поддавался.

— А ну! — ещё грознее сказал Вася.

И тут же рыжий поймал хвост. Поймал, пожевал, выплюнул. Нехотя он пошёл к Васе, всё время оглядываясь на свой хвост.

— Твоё счастье, что у меня от сердца отлегло. Иначе не миновать бы тебе по башке поленом. Смотри, какой у меня кулак.

Вася показал псу кулак.

— Ужас просто, а не кулак, — сказал он и сам поглядел на свой кулак.

Вообще-то, кулак был не такой уж безумно большой. Скорее, средних размеров. Балалаечный кулачок. Но на рыжего он, видно, произвёл впечатление.

Тут Вася взял пса за ухо, потому что заметил в нём какую-то штуковину. Вывернув ухо наизнанку, он вытащил эту штуковину, запутавшуюся в шерсти.

— Смотри-ка! — удивился он. — Пчела!

Рыжий понюхал пчелу и вроде как плюнул.

— Ухом пчелу поймал. Ну и ушки!

Вася выбросил пчелу и тут же почувствовал какой-то знакомый запах. Он пошмыгал носом, принюхиваясь.

— Что такое? Чем это от тебя пахнет?

От рыжего, конечно, пахло собакой, а ещё травой, пуганым петухом, но что удивительно — от него пахло мёдом.

Глава шестая ОБЫКНОВЕННЫЙ МЕШОК

«Так-так-так-так-так, — думал Вася. — Что же это получается? Пчела и запах мёда!.. Это, конечно, неспроста. Ну-ка посмотрим мешочек, в котором пса привезли».

— Сиди здесь, — сказал Вася рыжему, а сам пошёл в дом. «Вдруг на нём знаки какие-нибудь есть», — думал Вася, разглядывая мешок.

Нет, никаких знаков не было — обыкновенный мешок, серый да заляпанный, с заплаткой на боку. Тогда Вася встряхнул мешок, и из него посыпались соломенная труха, пыль и опилки. Вася присел на корточки.

— Ты что это, Васёк? — спросила Евлампьевна.

— Вот она, — сказал Вася и вытащил из сора пчелу. Он положил её на сундук, а сам принялся нюхать мешок.

— Люди добрые! — напугалась Евлампьевна. — Васёк мешок нюхает!

— Погоди, мам, кричать. Ты лучше понюхай, чем пахнет.

— Вот напасть-то! Сроду я мешков не нюхала!

- Да ладно, мам. Ты скажи, чем пахнет.
- Известно чем, — кричала Евлампьевна, — псом паршивым пахнет!
- Да нет, мам, не псом. Ты понюхай.
- Я, Вась, издала понюхаю, — согласилась наконец Евлампьевна и стала нюхать примерно с двух шагов.
- Подойди же ближе, мам, — уговаривал Вася. — Понюхай и, в случае чего, сразу отскочи в сторону.
- Евлампьевна так и сделала.
- Ну что, мама, чем пахнет?
- Известно чем, мешком собачьим.
- Ну нет, — сказал Вася, — мёдом пахнет!
- И верно, от мешка пахло мёдом, а ещё воском, пчёлами.
- Вот то-то и оно, — сказал Вася. — Мёдом мешочек пахнет. По этому мешку я и найду черноусого!
- Господи, — сказала Евлампьевна, — прости нас и помилуй!

Глава седьмая ВАСЯ БЬЁТ ЧЕРНОУСОГО

- Всю неделю не давали Васе в деревне проходу.
- А ну-ка, Вася, — говорили ему, — расскажи, как ты поросят покупал!
- Вася мрачно молчал и только старательно учился на механизатора — целыми днями копался в моторе старенького трактора «Беларусь».
- Рыжий пёс к Васе привязался и всё время бегал за ним. Был он, видимо, пёс уличный, приبلудный.
- Ну и поросёночек, — донимали Васю на улице, — а где же у него пяточок?

— За мной, Матрос! — гордо говорил Вася. Он решил рыжего назвать Матросом и оставить себе, раз уж за него деньги плачены. Кроме того, планировал Вася из этого рыжего Матроса сделать себе друга на всю жизнь.

Пока шла неделя, Вася обдумывал, как бы поймать черноусого. К субботе созрел у него в голове небольшой планчик:

«Заведу-ка я себе тоже усы. Замаскируюсь и поеду на рынок. Подойду к черноусому, скажу: „Привет!“ — „Ах, — скажет черноусый. — Я вас не знаю!“ Но тут я сыму усы и хлоп ему по зубам!»

От старого полубубка отстриг Вася бараньих волос, налепил их на тряпочку. Получились неплохие усы, которые осталось приклеить под нос казеиновым клеем.

«Приду завтра на рынок, — думал Вася, — суну Матроса в мешок и пойду искать черноусого. А как только найду, сразу — раз по зубам!»

Вася прищуривал глаз и покручивал кулаками перед зеркалом, воображая, как будет лупить черноусого. Хрясь! Хрясь!

В субботу утром он взял Матроса на верёвку и пошёл на поезд. Через всю деревню бежали за ним братья Барановы и неприятно хрюкали вдогонку.

Глава восьмая **ПО СЛЕДУ**

А народу на рынке было снова полно. Издали видна была большая толпа. Над толпой покачивалось в воздухе серое облако — пара, пыли, табачного дыма.

Вася отошёл в укромную подворотню и раскрыл мешок.

— Полезай! — сказал он Матросу.

Но Матросу даже и глядеть на мешок было противно, он фыркнул и замотал головой.

— Можешь повеселиться в одиночестве, — сказал Вася и кинул в мешок колотого сахару. — А мне ещё надо усы на клей посадить.

Засунув Матроса в мешок, он приладил усы и только тогда вышел из укромной подворотни. Закинул мешок на спину, прищурил глаза, поднял воротник и, воткнувшись в базарную толпу, стал приглядываться направо и налево.

И направо и налево были всё покупатели и продавцы, и Вася прохаживался по базару, как будто он сыщик.

«Я будто бы сыщик, — думал он, — и теперь иду по следу черноусого».

Вася даже нарочно зорко вглядывался в землю и видел много следов от женских туфель, от мужских полуботинок. Одной рукой он придерживал мешок, а другую держал в кармане тяжело и увесисто, как будто бы там лежит наган.

Наконец Вася протолкался в угол, под башенку. И здесь народу было полно.

Какая-то старуха привела продавать бычка. Бычок всё время мычал, а старуха ругала его:

— Не мычи, бычок! Не мычи, говорю, а то не купят.

Но бычок всё равно мычал, и от его рёва кролики прижимали уши.

Вася глядел туда-сюда, всё выискивал, нет ли черноусого. Иногда казалось, что в толпе мелькает что-то черноусое. Он кидался в ту сторону, но на-

ходил какого-нибудь чернобрового или, к примеру, красноносого.

Матрос сидел в мешке спокойно, и только, если прислушаться, можно было разобрать, как он урчит, хрустя сахаром.

Глава девятая УСЫ

Самые разные лица и личности крутились на рынке и около. Серые, чёрные, зелёные, голубые глаза глядели на Васю или мимо него. Вася же смотрел в основном на носы и на то, что под ними: нет ли усов? Но усов попадалось мало и всё больше чепуховые — мышинные хвостики.

Носы были, конечно, гораздо разнообразнее — и свистулькой, и репкой, и фунтиком. У одного дяди нос оказался вычурным, как шахматная фигура ферзь, а у другого такой дивный нос, который иначе не назвать, кроме как рубильник.

Все эти носы совсем запутали Васю.

«Зачем мне они? — думал он, отмахиваясь от носов. — Меня усы интересуют».

Вася и сам покручивал свои усы, как будто он старый усач вроде товарища Будённого.

Вася покручивал усы и щекотал пальцем Матроса, чтоб тому было не скучно сидеть в мешке, а сам всё поглядывал по сторонам. Поглядывать-то поглядывал, а не замечал, что в стороне стоят два человека и тоже рассматривают его.

— Кажись, это он, — сказал один из этих двоих, разглядывая Васю, — только усы прилепил, замаскировался.

— А чего ему надо?

— Пришёл за поросятами.

Тут они грубо засмеялись, и второй сказал:

— Смотри-ка, в мешке-то у него что-то шевелится. Наверно, пса туда запихнул!

— Надо нам отсюда смываться.

— погоди, зачем же? Парень-то лопух — усы нацепил, пса в мешок засунул. Сейчас я ему устрою концерт.

— А не опасно?

— Чего же опасно? Документы у меня в порядке. Сейчас я его навеки отучу поросят искать.

Тут эти два человека пошептались ещё и разошлись в стороны.

«И зачем только люди носят усы? — думал в это время Вася. — Какой в них толк? Нос, к примеру, нюхает, рот жуёт, глаза глядят, а чего делают усы?.. Возьмём, к примеру, таракана, — размышлял он дальше. — Вот у него усы на месте. Или Матрос. Обрежь ему усы, он и колбасу не учует. А мне-то зачем усы? Разве для красоты? Но я и так парень ничего себе — нос крупный, глаза маленькие. Я и так, наверно, красивый».

Вася потолкался ещё немного, поискал черноусого, но не заметил ничего похожего.

«Да и то сказать, — думал он, — не такой дурак черноусый, чтоб снова на рынок прийти. Он теперь дома сидит, деньги считает».

Вася выбрался из толпы и остановился у входа, возле стекольщика, который всё покрикивал: «Вот стекло двойное, бэмское...»

— Чего у тебя в мешке-то? — спросил стекольщик. — Чем торгуешь?

— Не твоё стеклянное дело.

— Тебе стекла не надо?

— Не надо.

— Напрасно, — сказал стекольщик, — неплохое стекло. К тому же двойное, бэмское.

Он достал из заплечного ящика кусочек стекла и чпокнул его два раза ногтем. И стекло сказало: «Бэмс, бэмс».

Но Вася не слушал.

— Ты скажи лучше, стеклянная душа, черноусого не видел?

— Да ты сам черноусый, — сказал стекольщик и ткнул Васе пальцем под нос. И так противно ткнул, что Вася обиделся.

Он сердито глянул на стекольщика и увидел, что тот — мужчина неприятный: глазки тусклые, стеклянные, спрятались под ржавыми бровями, а лицо рябое, так изрыто оспой, что напоминает рашпиль, которым обтачивают деревянные болванки.

Вася уже хотел сказать стекольщику что-нибудь тяжёлое, но после махнул рукой и решил двигаться к дому.

В этот момент кто-то тронул его за рукав:

— Ваши документы!

Вася огляделся. Перед ним стоял милиционер с такими огромными рыжими усами, как будто он их отращивал с самого дня рождения.

Глава десятая

ПОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНИНА КУРОЧКИНА

Глаза его мерцали синим светом, на фуражке по-лыхали кокарда и красный форменный кант, а усы над строгими губами стояли грозно и торжественно, как радуга над рекой. Широкоплечий и сияющий милиционер навис над Васей.

— Документики! — повторил он, протягивая к Васе толстый палец.

— Да они в деревне.
— Тогда пройдёмте.
— Куда это?
— Пройдёмте, пройдёмте.
— Нет, но это куда же?
— Пройдёмте, пройдёмте, — повторил милиционер и уже крепко держал Васю за руку повыше локтя и вёл его куда-то вправо, через толпу и покрикивал: — Посторонись! Посторонись! Пррра-пшу-сти!

Этот милиционер был знаменитый старшина Тараканов. Мелкие рыночные жулики и карманные воры так боялись его, что вместо «старшины» называли его «страшиной». Кроме того, прозывали его Тараканий Ус или просто Тараканиус. Но это, конечно, мелким жуликам не помогало.

— Посторонись! — всё покрикивал старшина и жёсткой рукой подтягивал Васю за собою.

Кокарда на его форменной фуражке ослепительно вспыхивала, как зеркало на лбу врача-носовика.

Матрос, который тихо до этого сидел в мешке, вдруг стал взбрыкивать, упёрся в Васину спину, заелозил, заскулил.

— Куда мы то еСТЬ? — говорил Вася, совсем запутавшись в таких делах, и не мог ничего сообразить: за руку его дёргал милиционер, в спину толкался Матрос, вдогонку хихикал стекольщик, и прохожие болтали: «Смотри-кось, мелкого жулика повели!»

Старшина Тараканов взвёл Васю на какое-то крыльцо, открыл коричневую дверь, и они оказались в большой коричневой комнате. И не успел Вася разглядеть, что это за комната и сколько в ней народу находится, как на него кинулся какой-то плоский, невзрачный человек, ткнул его со всего маху в бок и завопил:

— Ага! Попался, проклятый!

И трах — кулак этого человека прилип к Васиному носу.

Матрос завыл в мешке, а милиционер сжал Васину руку.

— А ну, — крикнул старшина, — успокойтесь, гражданин Курочкин! Отойдите! Сядьте! Разговаривать с применением кулаков законом не дозволено!

И тут Вася увидел, что гражданин Курочкин, этот самый невзрачный и плоский, который накинута на него, есть не кто иной, как черноусый. Да только под носом у него нету никаких усов — одни губы!

Глава одиннадцатая ИСКРЫ ИЗ ГЛАЗ

Круги поплыли у Васи перед глазами — кривые, в красную крапинку. И в кругах этих стоял черноусый, у которого не было теперь усов. Он издали показывал на Васю пальцем:

— Это он! Я узнаю его!

Старшина Тараканов по-прежнему держал Васю повыше локтя и тянул его в угол, где стояла лавка, похожая на жёлтое пианино. Вася сел, а мешок поставил в ноги. Матрос, видно, почувствовал, что дела идут неладные, свернулся в мешке и лежал неподвижно, как пять кило картошки.

— Рассказывайте по порядку, Курочкин, — сказал старшина, обернувшись к черноусому, у которого не было теперь усов.

— Сейчас, — сказал Курочкин. — Попью только. Он подошёл к настольному графину и попил, булькая горлом, как голубь-горлица.

— Прошное воскресенье, — сказал Курочкин, попив, — я купил поросят, как раз вот у этого типа. Приехал домой, гляжу — в мешке пёс. Он, рожа кривая, мешки подменил, пока я деньги считал.

— Чего? — крикнул Вася, вскакивая с лавки. — Кто купил? Ты купил?!

— А ну-ка сядь! — сказал старшина, хватая Васю за плечо.

— Сядь! Разберёмся!

Он подождал, пока Вася усядетсся, и дальше спрашивал Курочкина:

— Какой именно был в мешке пёс? Какой породы?

— Бандитской породы, — ответил Курочкин и поглядел на Васю. — Весь мохнатый.

И Вася поглядел на Курочкина. Нет, не было у него теперь усов, голые губы синели под курочкинским носом и шевелились, выговаривая слова. А по словам этим выходило всё наоборот, как будто Вася обманул Курочкина и подсунул пса вместо поросят.

«Вон как, — думал Вася ошеломлённо, — вон как честного Васю обвиняют!»

У Васи заныла голова. Он сидел на лавке тупо и неподвижно, как сидел бы фонарный столб.

«Ну ладно, — думал Вася, — болтай, болтай, Курочкин. Я пока помолчу, а потом и открою рот. Погоди, куриная слепота, только закроешь рот — я свой живо открою!»

Но рта открыть не удавалось, потому что Курочкин своего никак не закрывал, он молол и молол, как приехал покупать поросят, а Вася его обманул.

Поскрипев пером, старшина наконец поставил точку.

— Фамилия?

Вася сказал.

— Где проживаете?

Вася отвечал, а сам глядел на старшину. Он старался глядеть так, чтобы не бегали глаза, чтоб Тараканов понял, что Вася — невинная душа. Но ничего не получалось — глаза у Васи бегали, он краснел и пугался, и старшина Тараканов, как видно, понял, что душа у Васи чёрная.

К тому же в столе у старшины Тараканова лежала секретная бумага со странным названием «ориентировка». В этой бумаге было написано, что на свете появился мошенник с чёрными усами, который продаёт пса за поросят. И вот теперь старшина Тараканов глядел на Васю, радостно понимая, что он этого мошенника поймал.

— Так ли всё было, как рассказывает гражданин Курочкин?

— Всё было наоборот.

— Знаешь что, — сказал старшина, ослепляя Васю кокардой, — ты лучше чистосердечно признайся, положи руку на сердце.

— Да я чистосердечно, — ответил Вася, кладя руку на сердце. — Это сам Курочкин был с усами. У меня-то они не растут.

— А это что? — спросил Тараканов, указывая Васе под нос.

— Это не усы, — напугался Вася, — это от шубы отстрижено!

Вася подёргал за усы, и они отвалились.

— Так-так, — насмешливо сказал старшина. — А в мешочке у вас что?

— Матрос, — пришибленно ответил Вася.

— Ну-ка поглядим, что за матрос.

Присев на корточки, старшина развязал верёвку.

Матрос вылез из мешка. Он встряхнулся как следует, окутавшись на миг облаком пыли.

— Ишь ты! — сказал старшина и ткнул Матроса пальцем. — В мешок залез!

Матрос огрызнулся — и палец милицейский налился кровью.

И тут Матрос получил такого пинка, что у него из глаз искры посыпались. Разбрызгивая эти искры и завывая, он вылетел в дверь и как рыжее лохмотое колесо укатился куда-то в сторону железнодорожного депо.

Глава двенадцатая **«ВЗГЛЯНИ, ВЗГЛЯНИ В ГЛАЗА МОИ** **СУРОВЫЕ...»**

Дело пошло быстрее быстрого.

У Васи отобрали усы и мешок, сунули это всё в несгораемый шкаф и замкнули секретным ключом. Потом строго взяли за плечо и отвели в какую-то мрачную комнату.

— Посидишь, — сказали и заложили дверь за-совом.

Вот как повернулось дело. Никак не думал Вася, когда приклеивал усы, что это его погубит. Никак не думал, что зря сажает Матроса в мешок. Печальный стоял теперь Вася посреди комнаты, узенькой, как шкаф-гардероб.

На деревянной лавке, которая тянулась вдоль стены, сидел человек с лицом неспелого цвета и что-то мычал. Вася не сразу понял, что человек поёт, но постепенно стал различать слова:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

Вася поглядел в глаза певцу, но ничего особо сурового в них не увидел — так, серая муть, голубая чепуха.

— Ты кто такой? — спросил вдруг певец тяжёлым голосом.

— А ты? — насторожился Вася.

— Чего? Кто я такой? Да если я скажу, ты умрёшь от страха! Меня вся Тарасовка знает! Понял? Туши свет!

— А меня все Сычи знают.

— Туши свет! Меня Рашпиль знает! Я знаешь кто?

— Кто?

Тут человек, которого знала вся Тарасовка, наклонился к Васе и сказал таинственно:

— Я — Батон! Слыхал?

— Слыхал, — сказал Вася, хотя ничего подобного он раньше не слышал.

— То-то! — грозно сказал Батон. — Туши свет!

— А я знаешь кто?

— Кто?

— Я — Вася Куролесов! Слыхал?

— Слыхал, — неожиданно сказал Батон и протянул руку: — Здорово!

Вася подал руку, и тут же Батон сжал её с оглушительной силой. Вася поднатужился и тоже крепко сжал батонскую руку. Тот ещё напрягся, и Вася поднадавил. Они жали руки с такой силой, что окажись там, внутри рукопожатия, медный шарик, он бы, конечно, расплющился.

От напряжения рыхлое лицо Батона налилось кровью. Он был и вправду похож на большой белый батон, одетый в брюки. Живот его был кругл, а голова маленькая, как и полагается батону.

— Тебя за что взяли? — спросил он, отъединяя свою руку от Васиной.

— За поросят.

— Я тоже, помню, как-то на телятах погорел. А сейчас сижу по глупости: одному пинджаку рога посшибал.

— За что же? — спросил Вася.

— Он мне на ногу наступил.

Вася невольно поглядел на эту ногу и увидел, что нога очень крупная, в ржавых ботинках на микропоре. Подробно осмотрев ногу, стал Вася оглядывать комнату. Скучной оказалась комната: стены её окрашены были коричневой краской, а высоко под потолком вполне накала горела маленькая электрическая лампочка. Она немного помигала и потухла. И тогда Вася понял, что на улице уже вечер, целый день прошёл и принёс одни неприятности.

Стало совсем темно. Через узкое окошко не видно было ничего, чуть-чуть в нём серело, и слышен был какой-то невнятный шум и гудок далёкой электрички.

«Погиб я, — думал Вася, ложась на лавку, — теперь никак не докажешь, что я не вор. Матрос в мешке — вот что меня доконало. Эх, грустные дела».

Вася представил, как будет плакать мама Евлампьевна, выйдя его провожать в дальнюю сибирскую дорогу, станет махать платочком и совать ему в руки узелок с ватрушками. Тихо-тихо, чтобы не услышал Батон, стал Вася плакать, и сквозь слёзы замычал он песню:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВОДОПРОВОДЧИКИ»

Глава первая НОС УТОЧКОЙ

Утро в Карманове долго не наступало.

Так бывает в небольших подмосковных городах — долго не наступает утро. Над Москвой уже солнечное зарево, уже пожарная сокольническая каланча позлащена восходом, а в Карманове ещё темнота, темнота — ночь.

Вася проснулся затемно и долго слушал, как сопит Батон. В предутреннем сне тот громко высвистывал носом, и кажется, любимую мелодию: «Взгляни, взгляни в глаза мои суровые...»

Рассвело.

И скоро зашевелилась входная дверь, заныли железные петли — дверь приоткрылась, будто зевнула. В щель выставились сонные усы старшины Тараканова.

— Куролесов, выходи.

Васю снова привели в дежурную комнату. Там, у окна, прислонясь к несгораемому шкафу, стоял какой-то человек в сером костюме.

По привычке Вася поискал на его лице усы, но не нашёл. Зато нашёл нос, кривой и крылатый, широкие медные щёки и прищуренные глаза цвета маренго.

Человек в сером костюме навёл на Васю свои глаза и спросил:

— Этот самый?

— Так точно, — ответил старшина, кивая на Васю. — Под носом — искусственные усы, в мешке — пёс.

Серый костюм внимательно пригляделся и вдруг подмигнул Васе: что, мол, попался?

— Так точно, — толковал старшина. — Товарищ Болдырев, этот самый и есть мошенник. Усы под носом, пёс в мешке.

«Вот это фамилия! — подумал Вася. — Болдырев! Как будто самовар в воду упал. Наверно, начальник!»

— Не может быть, чтоб этот самый, — сказал между тем Болдырев, внимательно глядя на Васю.

— Да как же, товарищ капитан?.. Усы-то под носом!

— Уж не знаю как, — ответил капитан Болдырев. — Приметы не совпадают. Мошенник, которого мы ищем, пожилой, а этот слишком уж молод. Ну-ка, парень, рассказывай, зачем ты усы прилепил?

— Для маскировки. Он лепит, и я буду лепить!

— Рассказывай по порядку, — серьёзно сказал капитан.

Все время, пока Вася рассказывал, капитан хмыкал и пронзительно глядел на старшину.

— М-да, — сказал он. — Что-то вы, товарищ старшина, напутали. Расскажите, какой из себя Курочкин.

— Невысокого роста, пожилой, — отвечал старшина Тараканов и вдруг побледнел. — Нос уточкой.

— Какой нос?

— Уточкой, — повторил старшина, бледнея всё больше.

— Ну вот, — сказал капитан Болдырев. — И нос уточкой. Приметы сходятся, а усы он сбрил. Этот

Курочкин и есть тот самый человек, которого мы ищем.

— Да как же?.. Он же паспорт показал, живёт в Перловке, сторож картофельного склада.

— Паспорт поддельный, — строго сказал капитан. — А картофельного склада в Перловке сроду не было.

Глава вторая ТЕЛЕГРАММА

Да, вот какие получились дела. И в голову не пришло старшине Тараканову, что Курочкин и есть тот самый мошенник, а Вася — простой человек.

— Да, — сказал капитан Болдырев, глядя на старшину нестерпимым взглядом, — вон какие получились дела.

Старшина открыл секретным ключом несгораемый шкаф, вынул оттуда мешок и усы и протянул Васе:

— Возьмите, гражданин.

— Что за мешок? — спросил капитан.

— Ихний мешок, — ответил совсем расстроенный старшина. Усы его поникли, как спортивные флаги под дождём.

— Это не мой мешок. Это мешок вашего Курочкина. А вот усы мои.

— Интересно, — сказал капитан и потряс мешок. Всякая труха посыпалась оттуда. Тут же капитан — чик-чик! — свернул труху в кулёчек и сунул в нагрудный карман.

«Рассматривать, наверно, потом будет, — подумал Вася, — под микроскопом».

— Вы понюхайте мешок, — сказал он капитану.

— А что? Пахнет?

— Ещё как!

— Верно, — сказал Болдырев, понюхав. — Запах есть. Только не пойму, чем пахнет. Не укроп ли?

Старшина Тараканов тоже протянул к мешку нос и несколько раз понюхал.

— Запах есть, — сказал он, — только тонкий запах. Я его не пойму. Это, наверно, мимозы.

— Ничего тонкого, — сказал Вася. — Запах мёда.

— Мёд? — удивился Болдырев. Он снова взял мешок в руки и принялся пристально нюхать.

— И ещё я в нём пчелу нашёл, а другая была у пса в ухе. По этим приметам можно найти Курочкина.

— Во парень! — удивился Тараканов. — И носом чует, и головой работает.

— Молодец, — подтвердил капитан Болдырев. — Ты, я вижу, сообразительный.

— Маленько мерекаю, — ответил Вася с достоинством.

В этот момент дверь в дежурную комнату распахнулась, и вошёл рядовой милиционер по фамилии Фрезер.

— Товарищ старшина! — сказал он. — Вам срочная телеграмма.

Тараканов разорвал бланк и прочёл телеграмму.

Глава третья ДОПРОС МАТРОСА

«Устал как собака, — думал Вася, выходя из милиции, — и не выспался».

В милицейском палисаднике было пусто. Только одинокий кармановский гусь бродил среди луж.

СОДЕРЖАНИЕ

Приключения Васи Куролесова	5
Промах гражданина Лошакова	85
Пять похищенных монахов	167
Недопёсок	309